

ПРОЕКТ
«АНТИРОССИЯ»

МАЙКЛ СЕЙЕРС
АЛЬБЕРТ КАН

ТАЙНАЯ ВОЙНА

ПРОТИВ
СОВЕТСКОЙ
РОССИИ

Майкл Сейерс

**Тайная война против
Советской России**

«Алисторус»

1946

УДК 82-84
ББК 66.3(2Рос)8

Сейерс М.

Тайная война против Советской России / М. Сейерс —
«Алисторус», 1946

ISBN 978-5-699-49190-2

«Большой террор» 1937 года – любимая историческая тема российских псевдодемократов. Не в силах предоставить народу даже малой толики того, чем он обладал в советскую эпоху, они запугивают его страшилкой «37-го года», показывают эти события как ничем не оправданные и характерные для советского строя. Вывод, по мнению всех «борцов за свободу и права человека», очевиден: либо нынешняя политико-экономическая система, которую они почему-то называют «демократической», либо установление кровавого социалистического режима. Между тем объективное историческое расследование дает совсем иную картину так называемых сталинских репрессий. Авторы данной книги, М.Сейерс и А.Кан, на основе изучения огромного количества документального материала пришли к выводам, что Сталин в своих действиях был совершенно прав и только благодаря ему России удалось выстоять в беспрецедентной по масштабам борьбе, которую вели с ней внешние и внутренние враги российской государственности.

УДК 82-84
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-699-49190-2

© Сейерс М., 1946
© Алисторус, 1946

Содержание

От авторов	5
Книга первая	6
Глава I	6
Глава II	16
Глава III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Майкл Сейерс, Альберт Кан

Тайная война против Советской России

От авторов

Ни один из эпизодов или разговоров, встречающихся в книге «Тайная война против Советской России», не является авторским вымыслом. Во время подготовительной работы над этой книгой мы пользовались официальными изданиями государственного департамента США; протоколами заседаний различных комиссий конгресса США; официальными документами, изданными английским правительством; опубликованными советским правительством стенографическими записями судебных процессов.

Мы использовали также опубликованные мемуары многих лиц, упоминаемых в этой книге. Все приведенные в книге разговоры взяты из мемуаров, из официальных отчетов или из других документальных источников.

Книга первая

Революция и контрреволюция

Глава I

Установление Советской власти

Миссия в Петроград

В середине лета знаменательного 1917 года, когда в России уже бурлил вулкан революции, некий американец, майор Рэймонд Робинс, прибыл в Петроград с весьма важным секретным заданием. Официально он был заместителем начальника американской миссии Красного Креста. Неофициально он состоял на службе в разведывательном отделе армии Соединенных Штатов. Его секретное задание состояло в том, чтобы препятствовать выходу России из войны с Германией.

На Восточном фронте положение было угрожающее. Немцы дробили на части русскую армию, плохо вооруженную и подчиненную бездарному командованию. Пал расшатанный войною и насквозь прогнивший царский режим. В марте Николай II был вынужден отречься от престола, и в России было создано Временное правительство. По всей стране пронесся революционный клич: «За мир, за хлеб, за землю!», в котором слились и новые надежды, и давнишние чаяния миллионов измученных войной, обездоленных и голодных русских людей.

Союзники России – Англия, Франция и США – со страхом ждали неминуемого развала русской армии. С минуты на минуту у немцев могла освободиться на Восточном фронте миллионная армия для переброски на Запад, против усталых войск союзников. Не меньшую тревогу вызывала мысль, что украинская пшеница, кавказская нефть, донецкий уголь и прочие неисчислимы богатства русской земли попадут в прожорливую пасть Германии.

Союзники прилагали все усилия к тому, чтобы заставить Россию воевать хотя бы до тех пор, пока на Западный фронт придут американские подкрепления. Майор Робинс был одним из тех многих дипломатов, военных и агентов разведки, которых спешно посылали в Петроград, чтобы всеми силами попытаться сохранить Россию в числе воюющих стран.

Рэймонд Робинс, человек сорока трех лет, наделенный неиссякаемой энергией, редким красноречием и большим личным обаянием, жгучий брюнет с орлиным профилем, был видной фигурой в Соединенных Штатах. Он отказался от блестящей деловой карьеры в Чикаго, чтобы посвятить себя общественной и благотворительной деятельности. В политике он был горячим сторонником Теодора Рузвельта и играл ведущую роль в предвыборной кампании 1912 г., когда Рузвельт пытался попасть в Белый Дом без помощи крупного капитала и политических махинаций. Робинс был воинствующим либералом, неустанным борцом за всякое движение, направленное против реакции.

– Что? Рэймонд Робинс? Этот фантазер? Этот рузвельтист? К чему он в этой миссии? – воскликнул глава американского Красного Креста в России полковник Вильям Бойс Томпсон, узнав, что Робинс назначен его заместителем.

Полковник Томпсон был правоверным членом республиканской партии. Он был лично заинтересован в русских делах, в частности в русском марганце и меди. Но он также умел трезво оценивать факты. Про себя он уже решил, что консервативная позиция, занятая чинов-

никами государственного департамента США по отношению к бурным событиям в России, ничего хорошего не сулит.

Американским послом в России был в то время Дэвид Фрэнсис – пожилой, упрямый банкир из Сент-Луиса, любитель покера и в свое время губернатор штата Миссури. С гривой серебряных волос, в старомодном крахмальном воротничке и визитке он являл собою странную фигуру в обстановке потрясенного войной революционного Петрограда.

«Старику Фрэнсису, – как-то заметил один английский дипломат, – не отличить эсера от картошки».

Фрэнсис, правда, плохо разбирался в политической жизни России, но зато был непоколебим в своих убеждениях. Создавались они главным образом на основании сенсационных сплетен, ходивших среди царских генералов и миллионеров, которые осаждали американское посольство в Петрограде. Фрэнсис утверждал, что русские беспорядки – результат немецкого заговора, а все русские революционеры – иностранные агенты. И как бы там ни было, скоро все обойдется.

21 апреля 1917 г. Фрэнсис послал государственному секретарю США Лансингу такую телеграмму: «Крайний социалист или анархист по фамилии Ленин произносит опасные речи и тем укрепляет правительство; ему умышленно дают волю; своевременно будет выслан».

Но после свержения царя русская революция отнюдь не затихла – она еще только начиналась. Русская армия разваливалась, и, казалось, никто в России не в состоянии был остановить этот процесс. Александр Керенский, честолюбивый премьер Временного правительства, совершая поездку по фронту, обращался к войскам с красноречивыми заверениями, что не сегодня-завтра придет «победа, демократия и мир». Не убежденные его речами, голодные, озлобленные русские солдаты десятками тысяч уходили с фронта. В грязных, оборванных шинелях они бесконечным потоком двигались по стране, вдоль размокших от дождя полей, по размытым проселкам, в родные города и деревни¹.

В тылу возвратившиеся домой солдаты встречались с революционными рабочими и крестьянами. Крестьяне, солдаты и рабочие повсюду создавали свои революционные Комитеты или Советы и выбирали депутатов, которые должны были передать правительству их требования – мира, земли и хлеба!

К тому времени, когда майор Рэймонд Робинс попал в Петроград, голодные, ожесточенные народные массы разлились по стране бурным потоком. Солдатские делегации текли в столицу прямо на грязи окопов и требовали прекращения войны. Почти каждый день происходили хлебные беспорядки. Большевистская партия Ленина – организация русских коммунистов, которую Керенский объявил нелегальной и загнал в подполье, – быстро крепла и завоевывала популярность в народе.

Рэймонд Робинс не согласился с тем мнением, какое создалось о России у Фрэнсиса и его друзей из придворных кругов. Не задерживаясь в петроградских гостиных, он, по его выражению, «выехал в действующую армию», чтобы своими глазами увидеть, что творится в России. Робинс страстно верил в то, что он называл «трезвым умом – столь обычным у удачливых американских дельцов, умом, который не полагается на болтовню, но обязательно ищет фактов». Он стал разъезжать по стране, посещая заводы, профсоюзные собрания, казармы и даже

¹ Три года русские солдаты храбро и искусно сражались против превосходящих сил врага. В первые месяцы войны, когда немецкое наступление было в разгаре, русские вторглись в Восточную Пруссию и оттянули с запада два германских армейских корпуса и кавалерийскую дивизию, что дало Жоффру возможность ликвидировать прорыв на Марне и спасти Париж. Русскую армию ослабляла неорганизованность и измена в тылу. Военный министр Сухомлинов был предателем и получал деньги от немцев. Двор кишел шпионами и германофилами, во главе которых стояла царица и ее советчик зловещий поп Распутин. Оружие и боеприпасы были на исходе. К 1917 г. потери русских войск превосходили английские, французские и итальянские вместе взятые – 2 762 064 убитыми, 4 950 000 ранеными и 2 500 000 пропавшими без вести. – *Примеч. авт.*

кишащие вшами окопы на германском фронте. Чтобы разобраться в том, что происходит в России, Робинс окупился в массы русского народа.

В тот год вся Россия напоминала сплошной огромный митинг. Народ, веками вынуждаемый к молчанию, наконец, обрел дар речи. Митинги возникали повсюду. Все хотели говорить. Правительственные чиновники, агитаторы за дело союзников, большевики, анархисты, эсеры, меньшевики – все говорили наперебой. Самыми популярными ораторами были большевики. Солдаты, рабочие и крестьяне подхватывали и повторяли их слова.

– Объясни ты мне, за что я воюю, – требовал русский солдат на одном из таких бурных митингов, – за Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за грабителей-капиталистов? Если ты мне докажешь, что я защищаю революцию, я пойду воевать и без угрозы расстрела. Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы – рабочим, а власть – Советам, мы будем знать, за что воюем, и будем воевать!

Робинс чувствовал себя в родной стихии. Дома, в США, он часто выступал с трибуны, часто спорил с американскими марксистами. Почему бы не поспорить с русскими большевиками? Нередко он просил разрешения ответить оратору-большевику. В окопах и на многочисленных заводских собраниях этот плечистый, темноглазый американец вставал с места и говорил. Через своего переводчика Робинс рассказывал русским об американской демократии и об угрозе прусского милитаризма. Его выступления неизменно вызывали бурю аплодисментов.

В то же время Робинс не забывал своих обязанностей по Красному Кресту. Задачей его было добывать продовольствие для голодающих городов. На Волге Робинс обнаружил огромные запасы гниющего на складах зерна, которое нельзя было вывезти за неимением транспорта. При царском режиме бездарное руководство совсем развалило транспорт, а Керенский ничего не предпринял для его восстановления. Робинс пробовал собрать на Волге флотилию барж для перевозки зерна, но чиновники Керенского уверяли его, что это невыполнимо. Но вот к Робинсу явился один крестьянин, отрекомендовавшийся председателем местного Совета крестьян. Он сказал, что баржи будут. И на следующее утро хлеб двинулся вверх по реке к Москве и Петрограду.

Повсюду Робинс наблюдал тот же контраст между полной беспомощностью правительства Керенского и организованностью и решимостью революционных Советов. Раз председатель Совета что-нибудь обещал, можно было не сомневаться, что дело будет сделано...

Когда Робинс впервые попал в русскую деревню и пожелал увидеть кого-нибудь из местных властей, крестьяне в ответ только улыбнулись: «Вы бы лучше потолковали с председателем Совета».

– Что это за Совет? – спросил Робинс.

– Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

– Но это какая-то революционная организация, – возразил Робинс, – а мне нужна гражданская организация – законные гражданские власти.

Крестьяне рассмеялись: «Ну, эти немногочисленны. Вы лучше поговорите с председателем Совета».

Вернувшись в Петроград, Робинс сделал предварительный доклад полковнику Томпсону. Он заявил, что Временное правительство Керенского – «власть на бумаге, навязанная сверху и опирающаяся на штыки в Москве, Петрограде и нескольких других пунктах». Подлинную власть в стране осуществляют Советы. Но Керенский стоит за продолжение войны с Германией, и поэтому он, Робинс, считает необходимым, чтобы Керенский оставался у власти. Если союзники не хотят, чтобы Россия пришла в состояние хаоса и попала под власть Германии, они должны всячески повлиять на Керенского и заставить его признать Советы и договориться с ними. Пока не поздно, следует подробно ознакомить с положением дел правительство США.

Робинс выдвинул смелый план: немедленно развернуть широкую пропаганду с целью убедить русский народ, что истинную угрозу для революции представляет Германия.

К его великому удивлению, полковник Томпсон безоговорочно одобрил и его доклад, и его предложение. Он сказал Робинсу, что сообщит в Вашингтон о задуманной кампании и будет просить санкции и средств для ее проведения. А пока пусть Робинс, не теряя времени, приступает к работе.

– Но где взять денег? – спросил Робинс.

– Я сам рискну миллионом, – ответил полковник Томпсон.

Робинс получил разрешение брать деньги со счета Томпсона в петроградском банке.

– Главное, – твердил Томпсон, – удержать русскую армию на фронте и не пустить Германию в Россию.

Однако полковник отлично понимал весь риск такого активного личного вмешательства в русские дела.

– Вы знаете, что это означает, Робинс? – спросил он.

– Думаю, полковник, что это единственный шанс спасти положение, – ответил Робинс.

– Нет, я не о том, а что это означает для вас?

– А именно?

– Это означает, что если мы провалимся, вас расстреляют.

Робинс пожал плечами.

– На Западном фронте каждый день гибнут люди и моложе, и лучше меня. – И, помолчав, прибавил: – Если меня расстреляют, то вас, полковник, повесят.

– Вероятно, вы правы, черт побери! – сказал полковник Томпсон².

Контрреволюция

С Балтики дул холодный осенний ветер, дождевые тучи низко нависли над городом; в Петрограде события стремительно неслись к своей исторической развязке.

Бледный, взволнованный, как всегда в доверху застегнутом коричневом френче, выпучив глаза и по-наполеоновски согнув в локте правую руку, Александр Керенский, премьер Временного правительства, шагал по своему кабинету в Зимнем дворце и кричал в лицо Рэймонду Робинсу:

– Чего они хотят от меня? Половину времени я должен проповедовать западно-европейский либерализм, чтобы угодить союзникам, а остальное время – российско-славянский социализм, чтобы сберечь голову на плечах!

У Керенского были причины волноваться. Те, на кого он опирался, – русские миллионеры и англо-французские союзники – уже сговаривались за его спиной о том, чтобы отстранить его от власти.

Русские миллионеры прямо угрожали, что откроют двери немцам, если Англия и Франция не предпримут мер для борьбы с революцией.

«Революция – это болезнь, – сказал американскому корреспонденту Джону Риду «русский Рокфеллер» Степан Георгиевич Лианозов. – Рано или поздно иностранные державы должны будут вмешаться, как всякий вмешался бы, чтобы вылечить больного ребенка и научить его ходить».

Другой русский миллионер, Рябушинский, заявил, что видит один выход из положения – «костлявая рука голода, народная нищета схватит за горло лжедрузей народа – демократические советы и комитеты».

² Диалог между майором Робинсом и полковником Томпсоном, как и все другие разговоры в этой книге, цитируется по документальным источникам. Основным материалом для рассказа о миссии Рэймонда Робинса послужили его собственные показания на допросе в комиссии Овермэна в 1919 г., цитируемые по III тому издания «Немецкая и большевистская пропаганда: отчеты и протоколы юридической подкомиссии сената США 65-го созыва» (Вашингтон, 1919) и по книге Вильяма Харда «Рэймонд Робинс о самом себе» (Нью-Йорк, 1920). – *Примеч. авт.*

Сэр Сэмюэль Хор, начальник британской дипломатической разведки в России, вернулся в Лондон после бесед с этими русскими миллионерами и доложил, что лучшее разрешение русской проблемы – военная диктатура. По словам Хора, самыми подходящими кандидатами на пост диктатора были адмирал Колчак (Хор назвал его «самым близким подобием английского джентльмена, какое он видел в России») и генерал Лавр Георгиевич Корнилов, маленький и крепкий, с черной бородкой, командующий казачьими частями русской армии.

Английское и французское правительства решили сделать ставку на Корнилова – пусть именно он будет тем сильным человеком, который не даст России выйти из войны, покончит с революцией и будет отстаивать англо-французские финансовые интересы в России.

Когда Робинс узнал об этом решении, ему сразу стало ясно, что союзники допустили серьезную ошибку. Они не понимают характера русского народа. Они играют на руку большевикам, с самого начала предупреждавшим, что режим Керенского окажется ширмой, за которой будет тайно подготавливаться контрреволюция. Генерал-майор Альфред Нокс, английский военный атташе и начальник английской военной миссии в Петрограде, резко предложил Робинсу оставить свое мнение при себе.

Путч должен был состояться 8 сентября³ 1917 г. Утром Корнилов в качестве главнокомандующего выпустил прокламацию, в которой призывал к свержению Временного правительства и к установлению «дисциплины и порядка». На улицах Москвы и Петрограда появились тысячи листовок, озаглавленных «Русский герой Корнилов». Много лет спустя Керенский рассказал в своей книге «Катастрофа», что «эти листовки были отпечатаны на средства английской военной миссии и доставлены в Москву из английского посольства в Петрограде в вагоне английского военного атташе генерала Нокса». Корнилов отдал приказ о наступлении двадцатитысячной армии на Петроград. В рядах ее были французские и английские офицеры в русских мундирах.

Керенский был потрясен этим предательством. В Лондоне и в Париже его по-прежнему величали «героем русских народных масс» и «великим демократом». А здесь, в России, представители союзников пытаются его свергнуть! Керенский беспомощно искал выхода и ничего не предпринимал.

Петроградский совет, в котором большинство составляли большевики, по собственной инициативе отдал приказ о немедленной мобилизации. К вооруженным рабочим присоединились революционные матросы-балтийцы и солдаты с фронта. На улицах спешно возводились баррикады и проволочные заграждения. Устанавливались орудия и пулеметы. Красногвардейцы-рабочие в кепках и кожаных куртках, вооруженные винтовками и ручными гранатами, – ходили дозором по грязным булыжным мостовым.

В четыре дня армия Корнилова развалилась. Сам Корнилов был арестован солдатским комитетом, тайно созданным в его войсках. Около сорока царских генералов, участвовавших в заговоре Корнилова, в первый же день были арестованы в гостинице «Астория», где они ожидали известий о победе Корнилова. Товарищ военного министра в правительстве Керенского Борис Савинков, скомпрометированный участием в заговоре, был смещен. Временное правительство теряло почву под ногами...

Путч привел как раз к тому, что он должен был предотвратить: к победе большевиков и демонстрации силы Советов.

Фактически власть в Петрограде принадлежала не Керенскому, а Советам.

Усиление Советов, по словам Рэймонда Робинса, решило исход дела. «Советы – вот сила, победившая Корнилова».

Со своей стороны посол Фрэнсис телеграфировал в государственный департамент: «Провал Корнилова можно объяснить плохой связью, дезинформацией, неправильными методами,

³ Все даты даются авторами по новому стилю. – *Примеч. ред.*

неоперативностью. Хороший солдат, патриот, но не опытен. Правительство сильно напугано, и, возможно, урок пойдет ему на пользу».

Революция

События развивались стремительно. Ленин из подполья провозгласил новый лозунг: «Вся власть Советам! Долой Временное правительство!»

7 октября полковник Томпсон отправил в Вашингтон тревожную телеграмму: «Максималисты (большевики) активно добиваются большинства на Всероссийском Съезде рабочих и крестьянских депутатов, назначенном на текущий месяц. В случае успеха будет образовано новое правительство, последствия могут быть пагубные – вплоть до сепаратного мира. Исполняем все ресурсы, но требуется немедленная поддержка, иначе будет поздно».

3 ноября в кабинете Томпсона состоялось тайное совещание военного руководства союзников в России. Как обуздать большевиков? Глава французской военной миссии генерал Ниссель обрушился на Временное правительство, упрекая его в беспомощности, а русских солдат обругал «собаками». Тут один из русских генералов встал и, весь красный от гнева, вышел из комнаты.

Генерал Нокс стал упрекать американцев за то, что они не поддержали Корнилова.

– К чему мне Керенский и его правительство? – кричал Нокс Робинсу. – Бездарные, никчемные люди. Вы бы должны стоять за Корнилова!

– Но, генерал, – возразил Робинс, – вы-то стояли за Корнилова!

Английский генерал вспыхнул.

– Единственное, что сейчас возможно в России, – сказал он, – это военная диктатура. Этим людям нужен кнут!

– Генерал, – сказал Робинс, – как бы здесь не получилась диктатура совсем другого рода.

– Эти красные агитаторы?!

– Вот-вот.

– Робинс, – оказал генерал Нокс, – вы не военный. Вы ничего не смыслите в военных делах. Военные знают, как поступать с такими типами. Мы их ставим к стенке и расстреливаем.

– Да, если вам удастся их поймать, – сказал Робинс. – Я согласен, генерал, что ничего не смыслу в военных делах, но в народе я кое-что смыслу; я работал с ним всю жизнь. Я поехал по России и думаю, что сейчас главная проблема для вас – народ.

7 ноября 1917 г., через четыре дня после этого совещания, власть в России перешла к большевикам.

Большевистская революция, потрясая весь мир, совершалась необычно, вначале почти незаметно. Это была самая мирная революция в истории. По улицам столицы расхаживали небольшие отряды солдат и матросов. То тут, то там раздавались случайные выстрелы. Люди собирались кучками на холодных улицах, спорили, размахивали руками, читали свежие воззвания и прокламации. Как всегда, передавались разноречивые слухи. По Невскому дребезжали трамваи. Женщины ходили за покупками. Консервативные петроградские газеты вышли в этот день обычным порядком и даже не сообщили о том, что произошла революция.

Почти не встретив сопротивления, большевики заняли телефонную станцию, телеграф, государственный банк и министерства. Зимний дворец – место пребывания Временного правительства – был окружен.

Керенский в тот же день бежал из Петрограда в автомобиле американского посольства под американским флагом. Перед отъездом он наскоро сообщил послу Фрэнсису, что скоро вернется, приведет с фронта войска и «в пять дней все уладит».

В 6 часов вечера Фрэнсис телеграфировал государственному секретарю Ланстагу: «Большевики, по-видимому, завладели здесь всем. Не могу разыскать ни одного министра...»

Наступила холодная, дождливая ночь. По мокрым улицам разезжали грузовики, останавливаясь у костров, где грелись часовые. Из грузовиков летели белые пачки прокламаций:

«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ РАБОЧИХ, СОЛДАТ И КРЕСТЬЯН!

*Военно-революционный комитет
при Петроградском совете
рабочих и солдатских депутатов».*

Сотни красногвардейцев и солдат стянулись к ярко освещенному Зимнему дворцу – последней твердыне уже не существовавшего Временного правительства. Внезапно вся эта темная масса ринулась вперед, перекатилась через баррикады и хлынула в Зимний. Бывшие министры Керенского были арестованы в огромной, богато убранной комнате, где они весь этот день просидели, совещаясь, за длинным столом. Стол был завален смятыми листами бумаги – остатками недописанных прокламаций. Одна из них начиналась так: «Временное правительство обращается ко всем классам с предложением поддержать правительство...»

В 10.45 вечера 7 ноября открылся II Всероссийский Съезд Советов. Происходил он в актовом зале Смольного института, где раньше воспитывались дочери русских аристократов. В огромный прокуренный зал с мраморными колоннами, белыми люстрами и инкрустированным полом пришли выборные представители русских солдат и рабочих. Грязные, небритые, усталые депутаты – солдаты с запекшейся на шинелях грязью окопов, рабочие в кепках и смятых черных костюмах, матросы в тельняшках и бескозырках – жадно слушали членов Центрального Исполнительного Комитета, которые один за другим поднимались на трибуну.

Съезд длился два дня. К концу второго дня в зале послышался многоголосый шум – на трибуне появился невысокий коренастый человек в мешковатом костюме, с блестящей лысой головой. Он держал пачку бумаг в руке.

Шум не смолкал несколько минут. Наконец, слегка наклонившись вперед, оратор начал: Теперь мы приступаем к построению социалистического общества!

Это был Ленин.

На съезде было сформировано первое советское правительство – Совет Народных комиссаров, во главе которого стал Владимир Ильич Ленин.

Непризнание

На утро после образования советского правительства посол Фрэнсис послал письмо своему другу Мэддину Саммерсу, американскому генеральному консулу в Москве.

«Говорят, – писал Фрэнсис, – что Петроградский совет рабочих и солдат создал кабинет, в котором Ленин – премьер, Троцкий – министр иностранных дел, а мадам или мадемуазель Коллонтай – министр просвещения. Но я считал бы такой опыт желательным, ведь чем нелепее ситуация, тем быстрее можно ее изменить».

В Вашингтон Фрэнсис сообщил, что, по его мнению, советский режим не просуществует и месяца. Он убеждал государственный департамент не признавать русское правительство, пока большевики не будут свергнуты и их не сменят «русские патриоты»...

В то же утро Рэймонд Робинс вошел в кабинет полковника Томпсона в петроградском штабе Красного Креста.

– Начальник, – сказал Робинс, – нам надо поторапливаться! Все эти разговоры, что Керенский где-то соберет армию, что с Дона идут казаки, а из Финляндии – белая гвардия, – все это вздор. Им не дойти сюда. Слишком много вооруженных крестьян преграждают им путь. Нет, эти заправилы из Смольного еще продержатся!

Робинс просил у своего начальника разрешения сейчас же отправиться в Смольный для беседы с Лениным.

– В общем, это хорошие, достойные люди, – сказал Робинс о большевиках. – Я и сам занимался политикой и имел дело с американскими политическими лидерами и уж не думаю, чтобы в Смольном нашлись люди, более продажные и скверные, чем некоторые наши политиканы!

Вместо ответа Томпсон показал Робинсу только что полученные из Вашингтона распоряжения. Его немедленно вызывали туда для личных разговоров.

Он согласился с мнением Робинса, что большевики представляют массы русского народа, и сказал, что по приезде в Америку попытается убедить в этом государственный департамент. А пока Робинс возводится в чин полковника и назначается начальником американской миссии Красного Креста в России. Полковник Томпсон пожал руку своему бывшему заместителю и пожелал ему удачи.

Робинс не стал терять времени. Он поехал в Смольный и был принят Лениным.

– Я стоял за Керенского, – откровенно признался Робинс, – но когда передо мною труп, я это понимаю, и я вижу, что Временное правительство умерло. Я хочу выяснить, может ли американский Красный Крест служить русскому народу без ущерба для наших национальных интересов. Ваша программа внутренней политики мне не нравится, но внутренние дела России меня не касаются. Будь у власти Корнилов, или царь, или еще кто, я бы разговаривал с ними.

Энергичный, общительный американец приглянулся Ленину. Он попытался разъяснить Робинсу, что такое советская власть. Ленин коснулся в беседе экономических задач советской власти.

– Мы покажем миру республику трудящихся. Мы не посылаем в советы людей, которые владеют собственностью. Мы посылаем туда трудящихся. Донбасс будет представлен теми, кто добывает уголь; железные дороги – работниками транспорта; почтовое ведомство – работниками связи и т. д.

В беседе с Робинсом Ленин коснулся еще одного существенного пункта программы большевиков: разрешения «национального вопроса». Царизм безжалостно угнетал многочисленные национальности, населяющие Россию, и низводил их на положение подчиненных народностей. Все это нужно изменить, говорил Ленин. Нужно искоренить антисемитизм и другие подобные ему предрассудки, которые царизм использовал, чтобы натравливать одни группы населения на другие. Всем национальностям, всем национальным меньшинствам в России следует дать полную свободу и равные права.

Ленин сказал Робинсу, что заниматься этой сложной и чрезвычайно важной проблемой будет один из руководящих большевиков, специалист по национальному вопросу, Иосиф Сталин⁴.

⁴ В ноябре 1943 г. полковник Рэймонд Робинс писал авторам настоящей книги: «Впервые я услышал о Сталине, когда Ленин излагал мне свои планы создания Федеративной Социалистической Советской Республики... Он говорил, что они со Сталиным хотят объединить для общей работы все национальные группы населения Советской России, и добавил, что Сталин только что занял пост народного комиссара по делам национальностей... Пожалуй, величайшим историческим вкладом Сталина в дело объединения и усиления советского народа была его блестящая работа на посту народного комиссара

Робинс спросил Ленина, можно ли надеяться, что Россия будет продолжать войну с Германией.

Ленин ответил вполне откровенно. Россия уже вышла из войны. Она не может воевать с Германией, пока не будет создана новая армия. На это нужно время. Всю прогнившую систему русской промышленности и транспорта придется перестраивать сверху донизу.

Советскому правительству, сказал далее Ленин, нужно и признание и дружеское отношение Соединенных Штатов. Он не закрывал глаза на враждебность, которую его режим вызывал в официальных кругах США. Он предложил Робинсу минимальную практическую программу сотрудничества. В обмен на техническую помощь со стороны Америки советское правительство берет на себя эвакуировать с Восточного фронта все военные материалы, которые в противном случае неизбежно попадут в руки немцев.

Робинс сообщил о предложении Ленина генералу Вильяму Джадсону, американскому военному атташе и главе американской военной миссии в России, и генерал Джадсон отправился в Смольный договариваться о подробностях соглашения. Он выдвинул еще одно условие: до окончания войны задержать репатриацию сотен тысяч германских военнопленных, находящихся в России. Ленин согласился.

Генерал Джадсон немедленно заявил послу Фрэнсису, что интересы США требуют признания советского правительства.

– Советы – фактическое правительство страны, – сказал он, – и с ними необходимо установить отношения.

Но посол держался иной точки зрения и уже успел сообщить о ней в Вашингтон.

Через несколько дней Фрэнсис получил от государственного секретаря Лансинга телеграмму с указанием, что представителям Америки надлежит «воздержаться от всякого непосредственного общения с большевистским правительством». Следовало недвусмысленное добавление: «Доведите до сведения Джадсона».

Второй телеграммой, отправленной вскоре после первой, генерал Джадсон был отозван в США.

Робинс хотел подать в отставку из протеста против такой политики государственного департамента. К его удивлению, Фрэнсис просил его остаться на посту и поддерживать связь со Смольным.

– Мне кажется, что было бы неумно так резко оборвать с ними отношения, – сказал Фрэнсис. – К тому же, я хочу знать, что они делают, а от неприятностей я вас огражу.

Робинс не знал, что Фрэнсис стремится собрать как можно больше сведений о советском правительстве, которые были ему нужны для особых целей.

Тайная дипломатия

2 декабря 1917 г. Фрэнсис послал в Вашингтон первое секретное сообщение о деятельности атамана донских казаков генерала Алексея Каледина. Фрэнсис назвал его «командующим казачьими частями, насчитывающими 200 тыс. казаков». Генерал Каледин организовал на юге России белую контрреволюционную казачью армию, провозгласил «независимость Донской области» и готовился идти на Москву, чтобы свергнуть советскую власть. Группы офицеров царской армии вели для Каледина шпионскую работу в Петрограде и в Москве и поддерживали связь с Фрэнсисом.

по делам национальностей. Его политика способствовала искоренению расового, религиозного, национального и классового антагонизма и дала различным группам советских людей то единство и сплоченность, с каким они сражались и, не щадя своей жизни, защищали Ленинград, Сталинград и всю Русскую землю». В последней фразе полковник Робинс, разумеется, говорит об исторической роли, которую во вторую мировую войну сыграл советский народ, вынудивший к отступлению и разгромивший нацистских захватчиков. – *Примеч. авт.*

Через несколько дней американский генеральный консул в Москве Мэддин Саммерс по просьбе Фрэнсиса послал в государственный департамент более подробные сведения о численности войск Каледина. Саммерс, женатый на дочери богатого русского дворянина, был настроен к советскому режиму еще более враждебно, чем Фрэнсис. В его сообщении говорилось, что Каледин уже объединил под своим знаменем все «честные» и «лояльные» элементы южной России.

Государственный секретарь Лансинг в телеграмме американскому послу в Лондоне дал указание тайно предоставить Каледину заем, используя для посредничества английское либо французское правительство.

«Вы, конечно, понимаете, – добавлял Лансинг, – что следует действовать без промедления и внушить тем, с кем вы будете разговаривать, необходимость держать в тайне сочувствие, а тем более финансовую помощь Соединенных Штатов движению Каледина».

Фрэнсису предлагалось также соблюдать величайшую осторожность в сношениях с петроградскими агентами Каледина, чтобы не возбудить подозрений у большевиков.

Однако советское правительство, отлично учитывавшее вероятность интервенции союзников, узнала про этот заговор. В середине декабря советская печать выступила с обвинением американского посла в тайных сношениях с Калединым. Фрэнсис заявил, что знать не знает казачьего атамана.

«Я даю для печати заявление, – телеграфировал он Лансингу 22 декабря, – категорически отрицаю связь или осведомленность о движении Каледина, ссылаюсь на ваши определенные повторные указания не вмешиваться во внутренние дела, утверждаю, что следовал им в точности».

Советское правительство, изолированное враждебностью союзников и слишком слабое, чтобы один на один бороться с немецкой военной машиной, было вынуждено защищаться всеми возможными средствами. Ближайшую угрозу для него представляла Германия.

Чтобы спасти новую Россию и выиграть время для проведения самой необходимой реорганизации и для создания Красной Армии, Ленин предложил немедленно заключить мир на германском фронте.

– Мир придется все равно заключать, – сказал Ленин своим соратникам, подвергнув подробному обсуждению плачевное состояние русского транспорта, промышленности и армии. – Нам необходимо упрочиться, а для этого нужно время. . . Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим.

По настоянию Ленина советская делегация спешно выехала в Брест-Литовск, в ставку восточной группы германской армии, чтобы ознакомиться с германскими условиями мира.

23 декабря 1917 г., на следующий день после первого заседания предварительной мирной конференции в Брест-Литовске, представители Англии и Франции встретились в Париже и тайно сговорились расчленить Советскую Россию. Соглашение их называлось «L'accord Franco-Anglais du 23 decembre 1917, definissant les zones d'action francaises et anglaises»⁵.

Условия его гласили, что Англия получает в России «зону влияния», дающую ей кавказскую нефть и контроль над Прибалтикой; Франция – тоже «зону», дающую ей железо и уголь Донбасса и контроль над Крымом.

Этот тайный англо-французский договор лег в основу политики, которую Франция и Англия проводили в отношении России в течение нескольких последующих лет.

⁵ «Англо-французское соглашение от 23 декабря 1917 г., определяющее французские и английские зоны действия» (фр.).

Глава II За и против

Английский агент

В морозную ночь 18 января 1918 г. красивый молодой шотландец в меховой шубе пробирался при свете фонарика по полуразрушенному мосту между Финляндией и Россией. Финляндия была охвачена гражданской войной; железнодорожное движение по мосту прекратилось. Красное финское правительство дало молодому шотландцу охрану, чтобы переправить его с вещами на советскую сторону, где стоял поезд, готовый отвезти его в Петроград. Этот ночной путник был Р. Х. Брюс Локкарт, специальный уполномоченный английского военного кабинета.

Брюс Локкарт окончил в Англии аристократическое закрытое учебное заведение и двадцати четырех лет начал дипломатическую карьеру. Он был умен и хорош собой и скоро создал себе имя одного из самых талантливых и многообещающих молодых сотрудников английского министерства иностранных дел. Тридцати лет он был назначен английским вице-консулом в Москву. Он хорошо говорил по-русски, разбирался и в русской политике, и в русских интригах. В Лондон он был отозван ровно за шесть недель до Октябрьской революции.

Теперь его снова направляли в Россию по личной просьбе премьер-министра Ллойд Джорджа, на которого произвело сильное впечатление то, что рассказал ему о России возвратившийся на родину, в США, полковник Томпсон. Бывший начальник Робинса горячо осуждал нежелание союзников признать советское правительство. После беседы Томпсона с Ллойд Джорджем Локкарта решили послать в Россию для установления хотя бы каких-то фактических отношений, не обязывающих к признанию Советов.

Но красивый шотландец был также и агентом английской дипломатической разведки. Его неофициальное задание состояло в том, чтобы использовать в интересах Англии оппозицию, уже наметившуюся внутри советского правительства...

Антиленинскую оппозицию возглавлял честолюбивый народный комиссар иностранных дел Лев Троцкий, мнивший себя будущим преемником Ленина. Четырнадцать лет Троцкий ожесточенно боролся против большевиков; потом, в августе 1917 г., за несколько месяцев до революции, он присоединился к партии Ленина, вместе с нею пришел к власти и теперь сколачивал внутри партии «левую оппозицию».

В начале 1918 г., когда Локкарт прибыл в Петроград, Троцкий находился в Брест-Литовске в качестве председателя советской делегации.

Направляя Троцкого в Брест-Литовск, Ленин дал ему прямую директиву – подписать мир. Вместо этого Троцкий стал обращаться к пролетариям европейских стран с зажигательными речами, призывая их к восстанию и свержению своих правительств. Советское правительство, заявлял он, ни в коем случае не заключит мира с буржуазными правительствами. Троцкий кричал: «Ни мира, ни войны!» Он заявил немцам, что русская армия больше не может воевать и демобилизация ее продолжается, но подписать мир отказался.

Ленин резко критиковал поведение Троцкого в Брест-Литовске, а его предложение – «прекращение войны, отказ от подписания мира и демобилизация армии» – назвал безумием, если не хуже.

Много позже Локкарт рассказал в своих мемуарах «Английский агент», что английское министерство иностранных дел живо интересовалось этими «разногласиями между Лениным и Троцким, разногласиями, на которые наше правительство возлагало большие надежды»⁶.

В результате поведения Троцкого мирные переговоры в Брест-Литовске были сорваны. Германское верховное командование с самого начала неохотно шло на переговоры с большевиками. По словам Ленина, Троцкий сыграл на руку немцам и на деле помог германским империалистам. Во время одного из выступлений Троцкого в Бресте немецкий генерал Макс Гофман положил ноги на стол конференции и велел советским делегатам отправляться домой.

Троцкий вернулся в Петроград и в ответ на упреки Ленина воскликнул: «Немцы не посмеют наступать!» Через десять дней после прекращения мирных переговоров германское верховное командование предприняло большое наступление по всему Восточному фронту от Балтийского до Черного моря. На юге немецкие полчища хлынули на Украину. В центре наступление было направлено через Польшу на Москву. На севере пала Нарва и оказался под угрозой Петроград. На всем протяжении фронта остатки старой русской армии рассыпались и таяли.

Над новой Россией нависла смертельная опасность.

Вооруженные рабочие и красногвардейцы, спешно мобилизованные большевистским руководством, покидали города и шли на запад, чтобы остановить немецкое наступление. Первые соединения новой Красной Армии вступили в бой. 23 февраля немцев задержали у Пскова. На время Петроград был спасен.

В Брест-Литовск срочно выехала вторая советская делегация, на этот раз без Троцкого.

Теперь Германия поставила более тяжелые условия: она потребовала передачи под ее власть Украины, Финляндии, Польши, Кавказа и огромной контрибуции русским золотом, пшеницей, нефтью, углем и минеральными богатствами.

Когда были объявлены эти условия мира, по советской стране прокатилась волна возмущения. По словам Ленина, германское верховное командование надеялось с помощью этого разбойничьего мира расчленить Советскую республику и покончить с советской властью.

Брюс Локкарт держался того мнения, что в создавшейся обстановке единственной разумной линией поведения союзников будет поддержка России против Германии. Советское правительство не пыталось скрывать, что оно с большой неохотой идет на ратификацию Брестского договора. По словам Локкарта, большевиков, по существу, интересовало, что предпримут союзники. Признают ли они советское правительство, придут ли ему на помощь или допустят, чтобы Германия навязала России разбойничий мир?

Сперва Локкарт склонялся к мысли, что в интересах Англии было бы вступить в сделку с Троцким против Ленина. Троцкий пытался организовать внутри большевистской партии то, что Локкарт назвал «блоком священной войны», с целью получить поддержку союзников и отстранить Ленина от власти.

⁶ В Бресте Троцкий хотя и признавал, что русская армия больше не может воевать, все же отказывался подписать мир с Германией на том основании, что подписание такого мира предало бы всемирную революцию. Поэтому он не выполнил указаний Ленина. Позднее Троцкий признавал, что поступил неправильно. После того как немцы вторглись в Советскую страну и угрожали Петрограду, Троцкий заявил: «Я считаю своим долгом сказать на этом авторитетном собрании, что в час, когда многие из нас, и я в том числе, сомневались, допустимо ли подписать мир в Брест-Литовске, один товарищ Ленин, проявляя изумительную прозорливость, упорно, несмотря на наше сопротивление, утверждал, что это необходимо... И теперь мы должны признать, что были не правы». Поведение Троцкого в Бресте было не единственным проявлением оппозиции. Пока он агитировал в Бресте, его ближайший сподвижник Николай Крестинский публично нападал на Ленина и говорил о необходимости вести «революционную войну против германского империализма, русской буржуазии и части пролетариата, возглавляемой Лениным». Сообщник Троцкого по оппозиции Бухарин предложил резолюцию, принятую в Москве на совещании группы так называемых «левых коммунистов» и гласившую: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Позднее Бухарин признался, что во время брестского кризиса члены оппозиции тайно намеревались расколоть партию большевиков, свергнуть Ленина и создать новое русское правительство. – *Примеч. авт.*

В своей книге «Английский агент» Локкарт рассказывает, что он установил с Троцким личную связь, как только тот вернулся из Брест-Литовска. Троцкий дал ему двухчасовую аудиенцию в своем кабинете в Смольном. В тот же вечер Локкарт записал в дневнике свое впечатление от Троцкого: «По-моему, это человек, который с радостью отдал бы жизнь в борьбе за Россию, если бы достаточно зрителей любовалось им в эту минуту».

Английский агент и советский комиссар скоро подружились. Локкарт запросто называл Троцкого «Лев Давыдович» и, как он признался впоследствии, «мечтал устроить вместе с Троцким грандиозный путч». Но затем Локкарт волей-неволей пришел к заключению, что заменить Ленина Троцкий не в силах. В «Английском агенте» он писал: «Троцкий был так же не способен равняться с Лениным, как блоха со слоном».

Если в России вообще возможно что-нибудь сделать, то только через Ленина. С этим выводом Локкарта, как выяснилось, был согласен и Робинс.

«Лично я, – говорил Робинс, – никогда не был уверен в Троцком, никогда не мог сказать, как он поступит, где окажется при тех или иных обстоятельствах, – он очень носился со своей личностью, и очень уж эта самая личность была самонадеянна».

Локкарт познакомился с Робинсом вскоре после приезда в Петроград. Смелый подход американца к русской проблеме произвел на него впечатление. Робинса раздражали доводы, приводившиеся союзниками против признания Советов. Он издевался над нелепой теорией агентов царизма, будто большевики хотят победы Германии. Он очень красноречиво описывал Локкарту ужасающие условия жизни в старой России и тот поразительный подъем, который страна переживала под руководством большевиков.

Чтобы дополнить картину, Робинс повез Локкарта в Смольный – посмотреть новую систему в действии. На обратном пути по засыпаемому мягким снежком городу Робинс с горечью заметил, что посольства союзников, пускаясь в тайные интриги против советского правительства, этим лишь поддерживают интересы Германии в России. Советская власть в стране останется, и чем скорее союзники это осознают, тем лучше.

Робинс предупредил Локкарта, что от других представителей союзников и от тайных агентов он услышит совсем иную версию и что эти лица будут подкреплять свои доводы всевозможными документами. «В России сейчас больше фальшивок, чем когда-либо и где-либо», – сказал Робинс. Имелись даже документы, доказывающие, что сам Робинс – большевик и что он в то же время тайно добывается русских торговых концессий для Уолл-стрит.

Вскоре Локкарт и Робинс стали почти неразлучны. Каждое утро они вместе завтракали и обсуждали план действий на предстоящий день. Общей их целью было убедить свои правительства в необходимости признать Советскую Россию и тем предотвратить победу Германии на Восточном фронте⁷.

⁷ Локкарт и Робинс нашли ценного союзника в лице французского офицера капитана Жака Садуля, в прошлом преуспевающего адвоката и члена палаты депутатов – социалиста. Капитан Садуль неофициально поддерживал связь между Францией и советским правительством. Он пришел точно к таким же выводам, как Робинс и Локкарт. Его откровенная критика позиции, занятой союзниками по отношению к России, вызвала лютую злобу французского посла Нуланса, который стал уверять направо и налево, что Садуль, Робинс и Локкарт «обольшевичились». Нуланс, заимствовавший свои политические взгляды у «двухсот семейств» и акционеров парижских банков, ненавидел советский режим. Он лишил Садуля права сноситься непосредственно с французским правительством и даже перехватывал его личные письма. В своей книге Локкарт вспоминает, что Нуланс, для того чтобы помешать Робинсу оказать влияние на американского посла Фрэнсиса, стал распускать про Робинса всевозможные слухи. По его указанию, один из его секретарей многозначительно спросил в присутствии Фрэнсиса: «Кто же американский посол в России – Фрэнсис или Робинс?» Эти маневры возымели действие. Фрэнсис перестал доверять Робинсу, опасаясь, что тот метит на его пост. Он даже подозревал, что Робинс осведомляет большевиков о его тайных сношениях с Калединым. – *Примеч. авт.*

«Час атаки»

К началу весны 1918 г. обстановка вокруг Советской республики сложилась следующим образом: Германия готовилась силой свергнуть советское правительство в случае, если бы русские отказались ратифицировать Брестский мир; Англия и Франция тайно оказывали поддержку силам контрреволюции, которые стягивались в Архангельске, в Мурманске и на Дону; японцы, с одобрения союзников, готовились к захвату Владивостока и вторжению в Сибирь...

В беседе с Локкартом Ленин сказал, что ввиду возможного нападения немцев на Петроград советское правительство переедет в Москву. Большевики твердо решили бороться, даже если бы им пришлось отступить до Волги и Урала. Но бороться они будут так, как сами считают нужным. Они не допустят, чтобы союзники сделали их своим орудием. Если бы союзники поняли это, сказал Ленин Локкарту, это явилось бы наилучшей основой для сотрудничества. Советская Россия крайне нуждается в помощи для сопротивления немцам.

– Но я твердо убежден, – прибавил Ленин с сарказмом, – что ваше правительство никогда не усвоит такого взгляда на вещи. Это реакционное правительство. Оно будет сотрудничать с русскими реакционерами.

Краткое содержание этой беседы Локкарт сообщил телеграммой английскому министерству иностранных дел. Через несколько дней он получил из Лондона зашифрованную депешу. Он быстро расшифровал и прочел ее. В депеше излагалась точка зрения «военного эксперта», заявившего, что России требуется одно – «небольшая, но решительная группа английских офицеров», чтобы возглавить «лояльных русских», которые быстро покончат с большевизмом. Американский посол Фрэнсис 23 февраля писал своему сыну: «Я думаю пробыть в России как можно дольше. Если будет заключен сепаратный мир, а вероятно, так оно и будет, мне не грозит опасность быть захваченным немцами. Однако такой сепаратный мир явится жестоким ударом для союзников, и если какая-нибудь часть России откажется признать право большевистского правительства заключить такой мир, я постараюсь перебраться туда и оказать поддержку восстанию».

Вскоре после отправки этого письма Фрэнсис переехал в Вологду, где уже находился французский посол Нуланс и ряд других союзнических дипломатов. Было ясно, что правительства союзников приняли решение ни в какой форме не сотрудничать с Советской республикой. Робинс имел беседу с Троцким, который, публично признав, что допустил «ошибку», когда не выполнил указаний Ленина в Брест-Литовске, старался теперь реабилитировать себя в глазах Ленина.

– Вы хотите помешать ратификации Брестского договора? – спросил Троцкий Робинса.

– Разумеется, – ответил Робинс. – Но за нее стоит Ленин, а ведь признайтесь, комиссар, что все решает Ленин.

– Вы ошибаетесь, – сказал Троцкий. – Ленин понимает, как серьезна угроза германского наступления. Если он сможет получить помощь от союзников, он откажется от Брестского мира, если нужно – отступит и от Петрограда и от Москвы к Екатеринбург, закрепится на Урале, а оттуда будет с помощью союзников воевать против немцев.

По настоятельной просьбе Робинса, Ленин согласился написать правительству Соединенных Штатов официальную ноту. Он мало надеялся на благоприятный ответ, но был готов попытаться.

Эта нота была вручена Робинсу для передачи правительству США. В ней говорилось:

«В случае, если (а) Всероссийский Съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией или (б) если германское правительство нарушит мирный договор и возобновит свое разбойничье нападение, то:

1. Может ли советское правительство рассчитывать на поддержку Соединенных Штатов Северной Америки, Великобритании и Франции в своей борьбе против Германии?

2. Какого рода помощь может быть предоставлена в ближайшем будущем и на каких условиях – военное имущество, транспортные средства, предметы первой необходимости?

3. Какого рода помощь могли бы оказать, в частности, Соединенные Штаты?...»⁸

Всероссийский Съезд Советов должен был собраться 12 марта для обсуждения вопроса о ратификации Брестского договора.

5 марта 1918 г. Локкарт отправил английскому министерству иностранных дел последнюю, умоляющую телеграмму о необходимости признать советское правительство.

«Еще ни разу с начала революции обстановка в России не была столь благоприятна для союзников, и этому способствовали те вопиющие условия мира, которые немцы навязали русским... Если правительство Его Величества не хочет немецкого господства в России, я просто умоляю вас не упускать этой возможности».

Ответа из Лондона не последовало, пришло только письмо от жены Локкарта, в котором она просила его быть осторожнее и предупреждала, что в министерстве иностранных дел распространяются слухи, будто он стал «красным»...

14 марта Всероссийский Съезд Советов открылся в Москве. Два дня и две ночи делегаты обсуждали вопрос о ратификации Брестского договора. Сторонники Троцкого не жалели сил, пытаясь нажить политический капитал на этом непопулярном договоре; но сам Троцкий, по словам Робинса, «дулся и не пожелал приехать из Петрограда».

На второй день Съезда, за час до полуночи, Ленин позвал к себе Робинса, сидевшего на ступеньке около трибуны.

– Что вам ответило ваше правительство?

– Ничего!

– А Локкарту?

– Ничего!

Ленин пожал плечами.

– Сейчас я беру слово, – сказал он Робинсу. – Я буду выступать за ратификацию договора.

Он будет ратифицирован.

Речь Ленина длилась час. Он не пытался скрыть, что Брестский мир – тяжелое испытание для России. Терпеливо и последовательно он доказывал, что советскому правительству, изолированному и со всех сторон окруженному опасностями, необходимо любой ценой добиться передышки.

Брестский договор был ратифицирован.

Резолюция съезда гласила:

«Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3 марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий Ц.И.К. и Совета народных комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа, получившего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его действиях, а корыстно-классовое использование их».

⁸ Текст ноты, впервые опубликованный в одном из отчетов конгресса США (от 27 июня 1919 г., стр.2336), цитируется в книге Гревса «Американская авантюра в Сибири (1918–1920)». – *Примеч. авт.*

Конец миссии

Посол Фрэнсис 2 мая телеграфировал в государственный департамент США: «Робинс, а вероятно и Локкарт, добиваются признания советского правительства, но вы и все союзники неизменно противились признанию. Я также упорно высказывался против и не считаю, что это было ошибкой».

Через несколько недель Робинс получил телеграмму от государственного секретаря Лансинга: «При всех обстоятельствах считаю желательным ваше возвращение для личной беседы».

По дороге во Владивосток, где он должен был сесть на пароход, Робинс получил из государственного департамента три телеграммы. Все они содержали один и тот же приказ: воздержаться от каких бы то ни было публичных выступлений.

Возвратившись в Вашингтон, Робинс представил Лансингу доклад, в котором резко осуждал идею военной интервенции союзников в Советской России. К своему докладу Робинс приложил подробную программу развития русско-американских торговых отношений. Ленин передал эту программу Робинсу перед самым отъездом его из Москвы. Она предназначалась для президента Вильсона. Вильсон так и не увидел этой программы. Робинс сам пытался попасть к президенту, но безуспешно. Он повсюду наткнулся на рогатки. Он пробовал выступить в прессе. Газеты либо не принимали его материала, либо искажали его...

Робинс был вынужден предстать перед сенатской комиссией по расследованию «большевизма» и «немецкой пропаганды».

«Если я говорил правду, не лгал и не клеветал на людей, не называл их немецкими агентами, ворами, убийцами, злостными преступниками, это не значит, что я большевик! – заявил Робинс. – Но из всех представителей союзников в России никто не видел и не знает столько, сколько я, и я старался трезво смотреть на вещи. Я хочу говорить правду о людях и о политических движениях, без волнения и без злобы, даже если я с ними и не согласен... По мне пусть русские сами выбирают себе систему правления, независимо от того, совместима ли она с моими принципами... Нам прежде всего важно знать, что именно произошло в России, и мы и наша страна должны отнестись к ней честно и справедливо, без предвзятости и предубеждения... Пытаться победить идеи штыками – безнадежное дело... Единственный ответ на стремление к лучшей жизни – это лучшая жизнь».

Но честный голос Робинса потонул в нараставшем вихре клеветы и дезинформации.

Летом 1918 г., хотя Соединенные Штаты воевали не с Россией, а с Германией, «Нью-Йорк таймс» уже писала, что большевики – «наши злейшие враги».

Посол Фрэнсис пробыл в России до июля 1918 г. Время от времени он выступал с заявлениями и прокламациями, призывая русских к свержению советского правительства. Перед самым его отъездом в США Чичерин, новый комиссар иностранных дел, послал на его имя телеграмму – приветствие американскому народу. Впоследствии Фрэнсис рассказывал, как он поступил с посланием Чичерина. «Очевидно, эта телеграмма предназначалась для американских пацифистов, – вспоминал бывший посол в своей книге «Россия из окна американского посольства», – и я просто не передал ее, опасаясь, как бы государственный департамент ее не обнародовал».

Брюс Локкарт остался в России. «Мне следовало бы подать в отставку и вернуться домой», – говорил он впоследствии. Но вместо этого он продолжал работать агентом. В своих мемуарах он признается: «Не успел я опомниться, как оказался втянутым в движение, которое, какова бы ни была его первоначальная цель, теперь было направлено не против Германии, а против фактического правительства России».

Глава III Обер-шпион

Появление господина Массино

Страшен был в 1918 г. революционный Петроград, осажденный внешними врагами и подрываемый изнутри контрреволюционными заговорами. Не хватало продовольствия, топлива, транспорта. Плохо одетые люди дрожали от холода в бесконечных хлебных очередях на пронизанных ветром неметеных улицах. По ночам в городе стреляли. Банды грабителей держали в страхе население⁹. Отряды вооруженных рабочих обходили дома, искали у спекулянтов спрятанные запасы продовольствия, устраивали облавы на грабителей и бандитов.

Советское правительство еще не вполне овладело положением. Остатки старорежимной роскоши являли уродливый контраст с нищетою масс. Продолжали выходить антисоветские газеты, ежедневно предсказывавшие неминуемый конец советского строя. Еще были открыты дорогие рестораны и отели, где толпилась нарядная публика. Процветали ночные кабаре. Люди пили и танцевали, и за столиками ресторанов царские офицеры, балерины, крупные спекулянты и их любовницы шепотом передавали друг другу захватывающие новости: «Немцы идут на Москву! Троцкий арестовал Ленина!» Безумные надежды и вымыслы рождались под хлопьями пробок: водка лилась рекой. Множились интриги.

В ту весну в Петрограде появился некий господин Массино. Он называл себя «турецким коммерсантом». Это был бледный, длиннолицый, хмурый человек лет сорока с лишним, с высоким покатым лбом, беспокойным взглядом и чувственными губами. Держался он очень прямо, по-военному, отличался быстрой, почти бесшумной походкой. По всем признакам, он был богат; он нравился женщинам. В напряженной атмосфере советской столицы господин Массино с невозмутимым апломбом занимался своими делами.

По вечерам он часто заглядывал в ресторан Палкина – излюбленное убежище антисоветских элементов. Хозяин ресторана Сергей Палкин почтительно приветствовал его. В маленькой душной комнате позади зала господин Массино встречался с таинственными мужчинами и женщинами и тихо беседовал с ними. Одни говорили с ним по-русски, другие по-французски или по-английски. Господин Массино владел многими языками...

Молодое советское правительство прилагало все усилия, чтобы из хаоса создать порядок. Его огромные организационные задачи усложняла постоянная смертельная угроза контрреволюции. «Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции», – писал Ленин. По его указанию была создана особая организация по борьбе с вредительством и шпионажем, с внешними и внутренними врагами – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, сокращенно – ЧК.

Когда весной 1918 г. советское правительство, опасаясь немецкого наступления, переехало в Москву, господин Массино двинулся за ним следом. Но в Москве томный богатый восточный купец преобразился. Теперь он ходил в кепке и кожаной куртке. Он бывал в Кремле. Когда у ворот его останавливала охрана, господин Массино предъявлял советский документ на имя Сиднея Георгиевича Релинского, агента уголовного отдела петроградской ЧК.

«Проходите, товарищ Релинский!» – говорил часовой.

⁹ Рэймонд Робинс и Брюс Локкарт совместно установили с полной достоверностью, что во многих случаях главари этих банд, иногда называвшие себя анархистами, финансировались германской военной разведкой с целью провоцировать беспорядки, которые Германия могла бы использовать как предлог для интервенции в России. – *Примеч. авт.*

В другом районе Москвы, в роскошно обставленной квартире известной балерины Дагмары К., господин Массино, он же товарищ Релинский из ЧК, фигурировал как мосье Константин, агент английской разведки.

Кто он был – о том знал сотрудник английского посольства Брюс Локкарт: «Сидней Рейли – таинственная фигура английской агентурной разведки, заслуживший репутацию лучшего в Англии шпиона».

Сидней Рейли

Среди авантюристов из политических подонков царской России, всплывших на поверхность во время первой мировой войны и примкнувших к «крестовому походу» против большевизма, не было фигуры более колоритной и своеобразной, чем капитан Сидней Джордж Рейли из английской разведки. «Человек наполеоновского склада!» – восклицает, вспоминая о нем, Брюс Локкарт, которого Рейли втянул в одну из самых рискованных и фантастических авантур в истории Европы.

Как и когда Рейли начал работать в английской разведке, остается одной из многих тайн этой таинственной и мощной организации шпионажа. Сидней Рейли родился в царской России. Его отец был ирландский капитан, мать – русская, и вырос он на Черном море, в Одессе. До первой мировой войны он служил в Петербурге, в крупном концерне по изготовлению военноморского оружия Мандрочовича и графа Шуберского. Уже тогда работа его носила весьма конфиденциальный характер. Через него поддерживалась связь названной русской фирмы с рядом промышленных и финансовых предприятий в Германии, в том числе со знаменитыми гамбургскими судостроительными заводами Блюма и Фосса. Перед самой войной в английское адмиралтейство в Лондоне стали регулярно поступать ценные сведения о германской программе строительства судов и подводных лодок. Поставлял эти сведения Сидней Рейли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.